

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

УДК: 910 + 913

А.И. Трейвиш¹

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: НЕКОТОРЫЕ УРОКИ ВСЕМИРНОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XIX–XX ВЕКОВ

Рассмотрены избранные историко-географические вопросы модернизации общества, ее связи с пространственной спецификой стран и регионов, особенно государств-гигантов, а также вытекающие из их опыта условные уроки, в основном научного характера. Автор разделяет широкую трактовку модернизации как развития на базе инноваций, адекватных критериям и задачам каждой эпохи. Краткие своды идей по основным аспектам темы сочетаются с обобщениями, схемами. Сделан вывод, что модернизация – процесс не только полимасштабный, нелинейный (волнообразный), но и противоречивый по своим социокультурным эффектам. В России они связаны с сохранением догоняющего типа ее развития, с размерами и обустройством пространства. Вместе с тем, многие его свойства, часто воспринимаемые как барьеры, не были и не являются фатальными.

Ключевые слова: развитие, модернизация, инновации, факторы, географическое положение, освоение, страны-гиганты.

Введение. Модернизации (шире – развитию) посвящена масса литературы, начиная с трудов О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, М. Вебера. В 1950-х гг. после мировых войн и распада колониальных империй собственно теория модернизации Т. Парсонса, У. Ростоу, С. Блэка и др. советовала отстающим странам осовременить их традиционные общества путем индустриализации. И. Валлерстайн, Р. Пребиш, Г. Франк вскоре отметили изъяны теории и сохранение отсталости мировой периферии. К XXI веку на волне глобализации и распада советского блока ожили неомодернизационные учения. Термин «модернизация» проник в документы Правительства России на правах стратегической задачи.

Тема, как видим, не пионерна, но к ней возвращаются, обновляя подходы, как бы модернизируя само понимание модернизации. Оно и отношение к ней разные. Для кого-то это почти идол, для другого просто слово, а для третьего – слово бранное. Отсюда потребность в уточнении его смысла, роли в тех или иных сферах жизни общества и причин полярного восприятия. Главная задача статьи состоит в том, чтобы связать понятие, редкое в словарях по нашей дисциплине, с географическими факторами: размерами, расположением, освоением территорий и т. п. Это тоже давняя тема, начиная с концепций (физико-) географического детерминизма и поппулизма. Но вопрос о роли этих факторов, пространства как среды, посредника или агента событий не закрыт. Речь идет не о событиях как таковых (это дело историков), а об извлечении из них неких географических уроков, хотя бы только познавательных.

Базовые понятия и постановка проблем. Классики теории модернизации свели ее к Новому времени и переходу от феодального общества к капиталистическому: в Европе с XVI века, в догонявших ее регионах позже, в свое время. За эти узкие рамки выходят многие сдвиги – от неолитических до постиндустриальных («постмодерна»). Сам термин родился в конце Римской эпохи, когда пара *modernus* – *anticus* разделила христианскую и языческо-античную эпохи. Широкий подход относит к модернизации любое обновление, развитие на базе инноваций [Социокультурная ..., 2012; Трейвиш, 2015]. Оно актуально и для лидеров, ставших таковыми в ходе опережающего развития: им некого догонять, но лидерство приходится отстаивать. Нам ближе этот подход, расширяющий круг изучаемых событий и при этом не лишаящий их конкретного содержания. Однако все относительно, и новое в одном месте старо для другого, а третье до него может не дорасти [Горкин, 2011]. Крупная ГЭС или автосборочный завод, не актуальные в развитой стране, желанны и уместны в отстающей. Но не всякой: порой там нет ни условий для их появления, ни достаточного спроса.

Вообще-то любой акт развития есть результат встречи спроса акторов на ресурсы и условия с их местным предложением. Выбор лучшего места лишен смысла в отсутствие нужной площадки или при отношении к объекту по формуле *not in my backyard* (только не у меня во дворе). А если объект уже существует, вероятен конфликт местного ущерба с внешним эффектом. Или наоборот: объект жизненно важен для места, но не нужен рынку, не приносит прибыли владельцу.

¹ Институт географии РАН, отдел социально-экономической географии, гл. науч. с., докт. геогр. н.; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра социально-экономической географии зарубежных стран, проф.; e-mail: trenel2@yandex.ru

Модернизация полимасштабна во всех своих измерениях: времени, пространства, социально-экономической «массы». Теоретики 1950–60-х гг. считали, что она, стартуя с технико-экономической «площадки», пронизывает затем все общество вплоть до политики и культуры. Но это спорно. Надежных критериев инновационности и прогресса больше для орудий труда и войны, чем для языков или искусств.

Нелинейность процесса заложена в инновационной волне: при рождении новшества уникальны, широкая диффузия делает их типовыми, а вытеснение – вновь раритетными [Бабурин, 2002]. География каждой фазы своеобразна, порой драматична. Так, зарождение торгово-промышленного капитализма в его европейском ядре, особенно на севере (в Англии, рейнской зоне), резко увеличило спрос на сырье и продовольствие. Их давала периферия (колонии, включая американские, Восточная Европа), что обернулось ее явным регрессом: плантационным рабством за океаном, «вторым изданием» феодализма и крепостничества к востоку от Рейна [Мироненко, 2012; и др.].

Все это и безбрежное море историко-географических фактов, слагающих картину мирового развития, затрудняет ее анализ, не говоря о синтезе. В арсенале исследователя этой картины присутствуют примеры (сами по себе мало что доказывающие), старые и новые концепции, схемы. В короткой статье их все даже не обозреть. Предложить можно лишь некоторые сравнительно свежие позиции.

Тем не менее, из уже сказанного вытекает *первый условный урок: модернизацию нельзя абсолютизировать*. Делая ее лозунгом и чуть ли не самоцелью, часто забывают о ее релятивности, побочных эффектах и так называемых ловушках догоняющего развития, когда освоение устаревших инноваций ведет к «бегу на месте», а то и к откату

назад. Этим можно объяснить, но не оправдать отрицание модернизации как инструмента решения задач того или иного общества. Отказ от него чреват не менее тяжелыми последствиями, чем его непродуманное применение. Остальные уроки попытаемся сформулировать по ходу анализа избранных аспектов рассматриваемой проблематики.

Результаты и их обсуждение. Начнем с *размеров и освоенности* территории, а также их *оценки обществом* на разных этапах истории России.

Модернизация сталкивается с трением пространства, причем плотная, контактная и мобильная среда чаще производит и усваивает нововведения [Бабурин, 2000]. Вместе с тем инерция пространственных структур по принципу *path dependency* (накатанной колеи), присуща разным странам. Возраст и плотность освоения эту инерцию даже усиливают. На большой территории, при прочих равных условиях, шире выбор потенциальных баз модернизации, хотя «прочие равные» встречаются редко. Так, страны-гиганты разнотипны по своему положению на карте и другим признакам. Россию, Китай и Бразилию отличает от США, Канады, Австралии обилие соседей. У тех же РФ и КНР много этнических автономий, резко выражена западно-восточная асимметрия.

Если брать не всю землю, а удобную по природным условиям для обживания, или фактически заселенную, где плотность жителей выше 1 чел./км², или обрабатываемую земледельцами, то многое изменится (рис. 1). Россия займет третье – пятое место в зависимости от списка стран, показателя, точности цифр. В России и Китае, но не у других гигантов, заселена часть земель, для этого не лучших. У нас так сработала история, «тянувшая» людей к северу и востоку, где из-за климата и рельефа природа суровее, чем на западе. Зато теплее континентальное лето, что важно для сельского хозяйства. Более давнее и мощное освоение Севера, чем в Америке, вызвано не только принудительными миграциями, как это кажется западным авторам [Hill, Gaddy, 2003].

Социальное пространство России разрежено, велики контрасты центр–периферия. Расстояние ближайшего соседства между городами размером от 50 тыс. чел. (меньшие стали сливаться с сельской периферией) достигает, по расчетам, 230 км, от 500–1300 в северных и восточных регионах до 50–200 км в южных и срединных; меньше оно лишь в Подмосковье. А в Нидерландах это около 25 км, в Британии 30–35, в Италии, Германии 45–50, во Франции 66 км. Различия возникли давно и повлияли на характер общества. В прирейнской Европе средневековые рыночные города и городки отстояли друг от друга на 10–20 км, и крестьянин за день

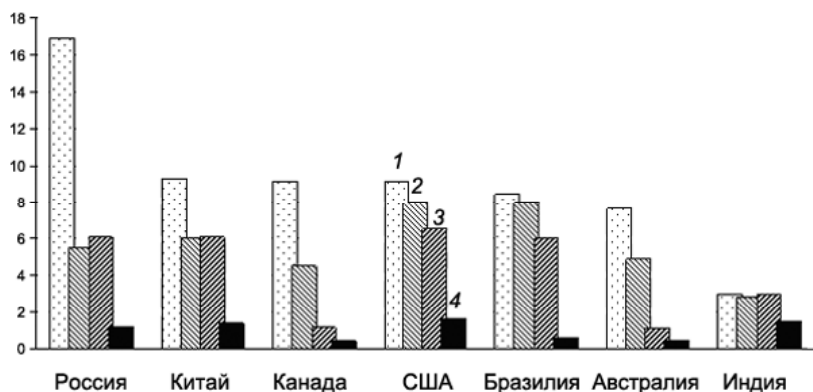

Рис. 1. Размеры всей, удобной и используемой территории крупных стран, млн км²: 1 – вся, без внутренних вод, 2 – удобная для заселения и сельскохозяйственного освоения, 3 – фактически заселенная, 4 – обрабатываемая. Составлено автором по разным источникам

Fig. 1. Total, suitable and utilized area of the largest countries, mln sq. km: 1 – total area without inland water, 2 – area suitable for settlement and agriculture, 3 – settled area, 4 – cultivated area. Compiled by the author after several sources

мог сходить туда (допустим, на рынок) и вернуться. На Руси дистанции и езда целыми сутками делали деревню более автономной, прививали крестьянам универсальные навыки. Помогая выживанию, это тормозило разделение труда и диффузию инноваций, застревавших «на проселках». Однако, если бы эти свойства были фатальными барьерами модернизации, она обошла бы Австралию, Канаду, Бразилию. Да и Россию: порывы ее обновления были не частыми, но мощными.

Отсюда перепады восприятия пространства как базы или обузы развития. Их анализ по литературе показал, что полосы «географического уныния» сменяли взрывы эйфории. Характерна волна скептицизма 1830-х гг., когда П.А. Вяземский, А.С. Пушкин, П.Я. Чаадаев, заезжий маркиз А. де Кюстин проклинали расстояния страны, «пять тысяч верст от мысли до мысли», и вообще географию, которая заслоняет в России историю². В чем дело, ведь до этого преобладали другие идеи, включая ломоносовские о прирастании Сибирью? Пожалуй, в задержке с постройкой железных дорог: в Европе они сжимали без того меньшие дистанции за счет скоростей, ранее почти одинаковых (подробнее см. [Трейвиш, 2009; 2014]). Впрочем, к 1914 г. по длине рельсовых путей Россия вышла на второе место в мире и удерживала его сто лет. Ныне оно четвертое после США, Китая, Индии. По протяженности автодорог Россия – пятая, но по их густоте уступает всем странам-гигантам.

Были и времена воодушевления, особенно в раннем СССР – от его нового освоения «до самых до окраин», шагов индустриализации. «Широка страна моя родная» значило, что она бодра, сильна, везде активна, что «нам нет преград ни в море, ни на суше». Это во многом иллюзии, но довольно продуктивные. Энтузиазм строителей нового мира угас не сразу, ближе к концу XX века.

Итак, *второй урок. Дело не в размере страны, а в «трении» расстояний, тормозящем потоки людей, идей, импульсов модернизации, и в средствах их преодоления.* То есть не в безбрежности пространства, а в бездорожье (в его самом широком смысле вплоть до телекоммуникационного) и еще в нехватке яркой, привлекательной перспективы развития.

Есть мнение, что проблемы многих стран кроются в их *культурах*, которым чужда идея развития. Вслед за М. Вебером протестантскую этику долго считали единственной культурной базой капиталистической модернизации. И хотя находились все новые формы ее симбиоза с разными культурами [Hampden-Turner, Trompenaars. 1993; Grondona, 1999; Harrison, 2013], старые стереотипы сильны. Вот пример: «...бодисатва желает пребывать в максимальной неподвижности с целью отдать все силы медитации... Вероятность того, что человек, абсолютно не желающий двигаться, изобретет автомо-

биль, безусловно, крайне мала» [Ортега и Гассет, 1993]. Но тогда транспортных новаций всегда следует ожидать от кочевников. Такой геокультурный детерминизм тоже ненаучен. Для превращения открытий и изобретений в инновации важнее спрос на них, экономическая среда.

С. Хантингтон [Хантингтон, 2003, с. 102–112] противопоставлял техническую модернизацию культурно-политической *вестернизации* и выделял типы ответов на вызовы Запада вне его пределов: отторжение или принятие обеих, технореформизм без вестернизации культуры по-японски, вестернизация без модернизации по-египетски (рис. 2). Не комментируя эти примеры, обратим внимание читателя на версию волны, ведущей от очарования чужим опытом к разочарованию. Забытая Хантингтоном Россия пережила не одну такую волну, то подражая Западу, то с ним враждуя, меняя курсы и галсы.

Успех зависел не от догм, а от социальных позиций и качеств их носителей. Это видно по роли в раннем индустриальном развитии России крестьян-капиталистов, среди которых было много старообрядцев. Их аскетизм, трудолюбие, инициатива чем-то похожи на лютеранские, хотя в конфессии они скорее консерваторы. С первыми протестантами их роднило отстранение от официальной церкви (беспоповство): таинства совершали миряне, Писание учили в семьях. Грамота и свобода мышления – вот чем выделялись их общины. Этого и мобилизующего статуса гонимых хватило, чтобы след раскольников остался в старопромышленных базах модернизации страны.

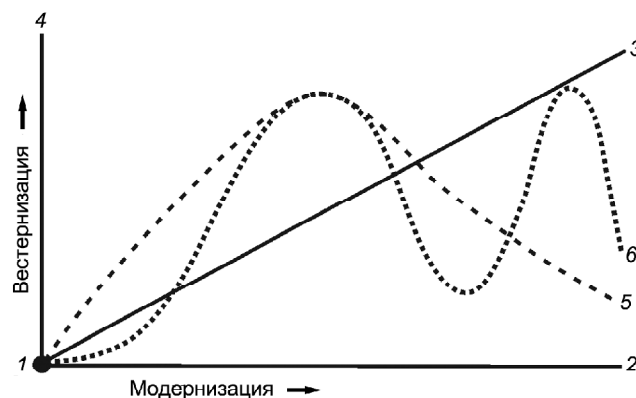

Рис. 2. Модернизация и вестернизация не-западных стран (по С. Хантингтону): 1 – точка-ноль полного отторжения, 2 – технореформизм без вестернизации (Япония), 3 – модернизация с вестернизацией (постимперская Турция), 4 – вестернизация без модернизации (Египет), 5 – общая схема волны, 6 – российские волны (добавлены автором)

Fig. 2. Modernization and westernization of non-Western countries (after S. Huntington): 1 – zero point of the total dismemberment, 2 – technical reforming without westernization (Japan), 3 – modernization along with westernization (post-Ottoman Turkey), 4 – westernization without modernization (Egypt), 5 – general scheme of the wave, 6 – Russian waves (added by the author)

² Мысли о развитии «вширь», затрудняющем развитие «вглубь», и о том, что России легче даются сами пространства, чем их организация, находим и в XX в. у таких разных авторов, как В.И. Ленин, Н.А. Бердяев.

Иное дело – принудительная модернизация сверху, когда Россию «вздвигают на дыбы», ломая культурный код. «Просвещение с кровопролитием» клеймил в XIX в. М.Е. Салтыков-Щедрин. В конце XX в. ему вторили В.В. Ильин, А.С. Панарин и др.: финал наших модернизационных починов – безмолвие города, занятого неприятелем; модернизаторы опустошают родной пейзаж, а потом сетуют на безобразие «этой страны». Однако те же авторы писали, что вестернизация в чистом виде нам не грозит [Ильин, Панарин, Ахиезер, 1996, с. 9, 199; Панарин, 1999, с. 73]. Иначе говоря, их возмущал насильственный технореформизм по-русски.

Заранее не угадать, когда и какие культурные свойства сообществ поведут их к модернизации. Порой важен демонстрационный эффект успеха близкой культуры, скажем японской – для «тигров и драконов» Азии, выросших из «рисовых цивилизаций». У истории есть культурно-географический выбор, в том числе внутри большой страны.

Третий урок таков. Признавая значение культуры для модернизации, нельзя его преувеличивать. Перегородки между культурами – не китайские стены. Традиция лишь формально – антипод новации и не обязательно служит ее барьером.

Критики отечественных модернизаций называли их *догоняющими, вторичными, мобилизационными, консервативными, импульсивными* [Вишневский, 1998; Российская ..., 2008; и др.]. Доля истины тут есть, и ключевым представляется первый эпитет – догоняющие. Россия и впрямь догоняла, а значит – отставала. Насколько? Чтобы это понять, нужно брать характерные для каждой эпохи признаки. Так, для Средних веков подойдут утверждение мировых религий, рост и упадок феодальных отношений (личной и земельной крестьянской зависимости), систем земледелия (общинного трехполья). По ним Русь отставала от лидеров Европы, сначала южных, потом северных, примерно на пять веков [Трейвиш, 2009, с. 87–90]. Причины видят то в засилии государства, то в «византийстве», то в «азиатчине». Но в Азии (Персии, Индии, Китае) феодализм возник раньше и жил дольше, чем в Западной Европе, а на ее востоке запоздал и в начале, и в конце. Его устранили «сверху», ускоряя догоняющее развитие, чреватое перенапряжением общества и рецидивами прошлого.

Догоняющий характер развития объясняет другую его сторону: мобилизационную, часто милитарную. Но так долго нельзя: страна устает, истощается, тормозит. То ждет, то усердно догоняет, а «ждать и догонять хуже нет». Бразильский историк Н. Вернек Содре [Вернек Содре, 1976, с. 98] уподобил такой ритм качению квадратного колеса. Его с усилием ставят на угол, а затем оно падает на плоскость и замирает. Двухтактная схема повторяется, порождая такие оценки модернизации, как порывистая, импульсивная.

Вот и Россия стала страной великих реформ и революций, не умея обновляться понемногу, частыми импульсами снизу. С середины XIX в. отмечено

чередование царей-реформаторов и консерваторов, позже названное законом исторического маятника. Его связывают с большими циклами Н.Д. Кондратьева, хотя, в отличие от них, это циклы политические [Рязанов, 1998; Циклы ..., 2010]. Схема связи примерно такова. «Износ» технологического уклада активизирует поиски нового, и если заодно меняется власть, то в пользу либералов-реформаторов, облегчающих эти поиски. Новый цикл, обновляя экономику, часто несет с собой социальное расслоение, протесты и политический отход от реформ. Волна гаснет – вплоть до новой. Схема верна для разных режимов, хотя спад наступает всегда, а подъем при тоталитаризме требует усилий власти, мобилизации ее ресурсов и всего общества.

Замечено, что приступы реформаторства в России приходятся на гребни западных кондратьевских волн, подъемы же экономики – на фазы спада российских реформ [Циклы ..., 2010]. Видимо, причина в их «верховой» природе. Успехи мировых лидеров указывают элитам на отставание и побуждают к действию. Но тогда нужны порядок, крепкая власть, а их чаще обеспечивают порицаемые в либеральной среде «реакционеры». Этим колебаниям сопутствуют открытия и закрытия страны для внешнего мира. Первые вводят ее в русло мирового развития, не всегда адекватное самой России, чреватое поляризацией общества. Вторые ввергают в самоизоляцию как в некоторое облегчение, хотя она ведет к застою, потере фарватера и чувства реальности.

Но это о стране в целом, а модернизация полимасштабна и структурно неоднородна. Расходясь в пространстве, инновационные волны, каждая со своим темпом и амплитудой, создают в пространстве разные комбинации. Даже зная об их нелинейности, бывает легко попасть в ловушку оптимизма или пессимизма.

На схеме (рис. 3) показаны пять волн инноваций. По мере их выхода из первичных очагов зоны охвата растут до известного предела. В момент t_1 наличные нововведения I_1 и I_2 расширяются, так что

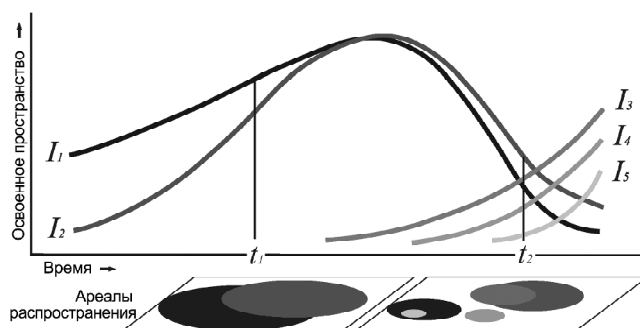

Рис. 3. Условная схема многоволнового инновационного освоения пространства. Обозначения: I_1 – I_5 – инновации по порядку их зарождения; t_1 , t_2 – временные «срезы» для иллюстрации пространственных результатов процесса

Fig. 3. Conditional scheme of the multiwave innovative territorial development: I_1 – I_5 – innovations in the order of emergence; t_1 , t_2 – time samples illustrating the spatial results of the process

прогноз по экстраполяции обещает дальнейшую экспансию. В момент t_2 эти ранние инновации географически сжимаются, а новые I_3-I_5 с их ареалами еще слишком скромны. Поспешный диагноз и прогноз, видимо, будут печальными, хотя тренд благоприятнее, чем в момент t_1 , а инновационное пространство качественно более сложно, разнообразно, что по-своему ценно и перспективно.

В общем, пространство модернизации пульсирует, чередуя фазы растяжения и сжатия, дифференциации и интеграции. При обилии объектов, структур, местоположений в реальном пространстве возникает много форм инновационных ареалов и их сочетаний. Вряд ли это *четвертый урок* (последний здесь, но не вообще). Скорее, он в том, что наши знания о пространственных законах развития ограничены. К тому же уроки истории (и географии) мало кого учат или учат плохо. А если они не поняты и не усвоены наукой и обществом, то чреваты новыми ошибками.

Выводы

Претендовать на абсолютную истину нельзя, но есть польза и от сбора крупиц сравнительно надежного знания. В нашем случае их можно кратко изложить так:

– идеализировать модернизацию так же неразумно, как и демонизировать. Это не панацея от всех бед и не навязанный извне вредный концепт, а средство, периодически выходящее на первый план в раз-

ных странах. У каждой из них и для каждой эпохи оно свое. Его назначение состоит не в том, чтобы кому-то угодить и покориться, а чтобы укрепить суверенитет и благополучие, превратить свой участок (в России целый «океан») суши в пространство, где можно не выживать, а жить и успешно работать;

– ни размеры стран, ни их внутренние природные, этнокультурные и социальные контрасты не являются, так сказать, роковыми барьерами модернизации. Вопрос состоит в ее адаптации к конкретным условиям, в поиске модели, адекватной времени, пространству (стране) и культуре, а не ломающей ее «через колено» и чреватой поэтому реакцией отторжения. Если такая модель вырабатывается обществом, то несет ему то, что принято называть устойчивым, совместным, долговечным развитием;

– огромный исторический опыт России неоднозначен и в чем-то даже напрасен: потратив массу сил на то, чтобы догнать соперников-лидеров, начав гонку раньше многих, она все же отстает. Но, как и раньше, еще не критически. Волны инноваций и реформаций – не бесплодные и порочные круги, не «шаг вперед, два назад». Россия – не триумфатор и не жертва столетий модернизации. Без нее она могла бы просто исчезнуть с карты нашего не очень уютного мира, каковой риск есть всегда и у всех. Надо надеяться, что очередная модернизация России, хорошо бы «органическая», ждет своего часа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабурин В.Л. Эволюция российских пространств от Большого взрыва до наших дней (инновационно-синергетический подход). М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Вернек Содре Н. Бразилия: анализ модели развития. М.: Прогресс, 1976.

Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

Горкин А.П. О релятивности показателей и понятий в социально-экономической географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 2011. № 1. С. 8–16.

Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.

Мироненко Н.С. Мировое хозяйство и основные черты его пространственной структуры // Реальный мир: политика, экономика, человек. 2012. Пилотный выпуск. С. 4–15.

Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 32–68.

Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

Российская модернизация: размышляя о самобытности. Сб. ст. / Под ред. Э.А. Паина, О.Д. Волкогоновой. М.: Три квадрата, 2008.

Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998.

Социокультурная антропология. История, теория и методология. Энцикл. словарь / Под ред. Ю. Резника. М.: Академический Проект, Культура, Константа, 2012.

Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009.

Трейвиш А.И. Размеры российских пространств и их восприятие в исторический период // Географическое пространство России: образ и модернизация. СПб.: ВВМ, 2011. С. 64–78.

Трейвиш А.И. Время и пространство российской модернизации: некоторые уроки истории и географии // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 1. С. 23–41.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. Циклы политического развития: прогностический потенциал. Сб. статей / Под ред. В.И. Пантина, В.В. Лапкина. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 103 с.

Grondona M. Las condiciones culturales del desarrollo economico. Buenos Aires: Grupo Editorial Planeta, 1999.

Hampden-Turner Ch., Trompenaars A. The seven cultures of capitalism: value systems for creating wealth in the United States, Britain, Japan, Germany, France, Sweden, and the Netherlands. N.Y.: Currency Doubleday, 1993.

Harrison L.E. Jews, Confucians, and Protestants: cultural capital and the end of multiculturalism. Lanham (MD), Plymouth (UK): Rowman & Littlefield Publishers, 2013.

Hill F., Gaddy C. The Siberian curse: how communist planners left Russia out in the cold. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2003.

Поступила в редакцию 17.04.2017
Принята к публикации 09.06.2017

A.I. Treivish¹

**GEOGRAPHICAL FACTORS OF SOCIETAL MODERNIZATION:
SOME LESSONS FROM THE WORLD
AND RUSSIA'S HISTORY XIX–XX AGES**

Selected historical and geographical problems of societal modernization and its relation to particular spatial characteristics of countries and regions, especially of the largest states, are discussed and some tentative, mostly scientific, lessons derived from the analysis are suggested. The author adopts a broad interpretation of modernization regarded as a development based on innovations, which are adequate to criteria and targets of each time. Brief compendia of ideas on the main aspects of the topic are combined with some generalizations and schemes. The conclusion is made that the modernization process is not only multi-scale and non-linear (undulating), but also contradictory in its social and cultural effects. The latter are associated in Russia with the ongoing catch-up type of development, the country's size and spatial infrastructure. However, many properties of its space, often perceived as barriers, were not and are not fatal.

Key words: development, modernization, innovations, factors, geographical position, territory development, largest countries.

REFERENCES

- Baburin V.L.* Evolyutsiya rossijskikh prostranstv ot Bolshogo vzryva do nashih dnei (innovatsionno-sinergeticheskij podhod) [Evolution of Russia's space from the Big Bang to our day (an Innovative-Synergistic Approach)]. Moscow: Editorial URSS, 2002 (in Russian).
- Gorkin A.P.* O relyativnosti pokazatelej i ponyatij v sotsialno-ekonomicheskoy geografii [On relativity of indicators and concepts in socio-economic geography] *Izv. RAN. Ser. geogr.* 2011. № 1. P. 8–16 (in Russian).
- Gronkova M.* Las condiciones culturales del desarrollo economico. Buenos Aires: Grupo Editorial Planeta, 1999.
- Hampden-Turner Ch., Trompenaars A.* The seven cultures of capitalism: value systems for creating wealth in the United States, Britain, Japan, Germany, France, Sweden, and the Netherlands. N.Y.: Currency Doubleday, 1993.
- Harrison L.E.* Jews, Confucians, and Protestants: cultural capital and the end of multiculturalism. Lanham (MD), Plymouth (UK): Rowman & Littlefield Publishers, 2013.
- Hill F., Gaddy C.* The Siberian curse: how communist planners left Russia out in the cold. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2003.
- Huntington S.* Stolknovenie tsivilizatsij [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST, 2003 (in Russian).
- Ilyin V.V., Panarin A.S., Ahiezer A.S.* Reformy i kontrreformy v Rossii [Reforms and counter-reforms in Russia]. Moscow: Izd-vo MGU, 1996 (in Russian).
- Mironenko N.S.* Mirovoye hozyajstvo i osnovnye cherty ego prostranstvennoj struktury [World economy and the basic features of its spatial structure] *Realny mir: politika, ekonomika, chelovek.* 2012. Pilotny vypusk. P. 4–15 (in Russian).
- Ortega y Gasset J.* Razmyshleniya o tehnikе [Reflections on machinery] *Voprosy filosofii.* 1993. № 10. P. 32–68 (in Russian).
- Panarin A.S.* Rossiya v tsiklah mirovoj istorii [Russia in the cycles of world history]. Moscow: Izd-vo MGU, 1999 (in Russian).
- Rossiyskaya modernizatsiya: razmyshleniya o samobytnosti [Russian modernization: speculating about the identity] *Sb. statej* pod red. E.A. Pajna, O.D. Volkogonovoj. Moscow: Tri kvadrata, 2008 (in Russian).
- Ryazanov V.T.* Ekonomicheskoe razvitie Rossii: reformy i rossijskoe hozyajstvo v XIX–XX vekah [Economic development of Russia: reforms and Russia's economy in 19–20th centuries]. SPb: Nauka, 1998 (in Russian).
- Sotsiokulturnaya antropologiya. Istoriya, teoriya i metodologiya. Entsiklopedicheskij slovar' [Socio-cultural anthropology. History, theory and methodology. Encyclopaedic dictionary] Pod red. Yu. Reznika. Moscow: Akademicheskij Proekt, Kultura, Konstanta, 2012 (in Russian).
- Treivish A.I.* Gorod, rajon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda [city, region, country and the world. Russia's development as viewed by a regional geographer. Moscow: Novyj Hronograf, 2009 (in Russian).
- Treivish A.I.* Razmery rossijskikh prostranstv i ih vospriyatie v istoricheskij period [The size of Russia's territory and its perception during the historical era] *Geograficheskoe prostranstvo Rossii; obraz i modernizatsiya.* SPb: VVM, 2011. P. 64–78 (in Russian).
- Treivish A.I.* Vremya i prostranstvo rossijskoj modernizacii: nekotorye uroki istorii i geografii [Time and space of Russia's modernization: some lessons of history and geography] *Regionalistika.* 2015. T. 2. № 1. S. 23–41 (in Russian).
- Tsykly politicheskogo razvitiya: prognosticheskij potentsial [Cycles of Political Development: Prognostic Potential] *Sb. statej* pod red. V. Pantina, V. Lapkina. Moscow: IMEMO RAN, 2010 (in Russian).
- Vishnevskij A.G.* Serp i rubl': konservativnaya modernizatsiya v SSSR [Sickle and Rouble: a conservative modernization in the USSR]. Moscow: OGI, 1998 (in Russian).
- Werneck Sodre N.* Braziliya: analiz modeli razvitiya [Brazil: the analysis of development model]. Moscow: Progress, 1976 (in Russian).

Received 17.04.2017
Accepted 09.06.2017

¹ Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Department of Socio-Economic Geography, Chief Scientific Researcher, D.Sc. in Geography; Faculty of Geography, Moscow State University, Professor; e-mail: trene12@yandex.ru